Ленинград
Театры - студии

ТЕАТР

Поводом для новой встречи послужил организованный ЛО Союза театральных деятелей смотр работ театров-студий, который прошел в Ленинграде в конце минувшего года. В нем участвовали: Театр-студия под руководством Л. Малеванной, Театр реального искусства, «Театр-студия-87», творческая мастерская К. Датешидзе и группа «Дерево».

ЖУРНАЛИСТ: — Мы своими публикациями действительно долго боролись за то, чтобы в Ленинграде могли свободно возникать новые театральные коллективы. И вот, кажется, достигли цели. Впервые беседуем в ситуации, когда студийное движение в городе развивается не только активно, но и на законном основании. Приняты важные положения о театрах-студиях, в результате которых возникло... Сколько же студий у нас возникло?

КРИТИК: — Точного числа сегодня никто не назовет. Но студенты-театроведы, которые выбрали эту тему своей курсовой, выявили около пятидесяти новых театральных образований.

ЖУРНАЛИСТ: — Не может быть!

КРИТИК: — Почему же не может? Мы живем в огромном городе, где до последнего времени театров было поразительно мало, учитывая стандарты европейского культурного центра. Цифра 50 плюс те театры, которые были, как-то приближает нас к этой норме.

ЖУРНАЛИСТ: — И все пятьдесят по статусу — профессиональные театры?

КРИТИК: — Все очень запутано. Формально у нас сегодня 18 государственных театров-студий. Остальные — при молодежных культурных центрах. Некоторые из них только называются театрами, а на самом деле пока это нечто вроде прокатных фирм эстрадно-развлекательного характера. Таков, например, «Бенефис» во главе с М. Боярским и А. Розенбаумом, или всем известный «Секрет», или «Рекорд», который организовал В. Резников. Эти студии, еще не показавшие ни одного нового и целового спектакля, тем не менее материально процветают.

Есть и другие, тоже получившие статус государственных. Однако их лидеры не обладают эстрадной популярностью, а значит, и материальной базой. Дотаций они не имеют, спонсоров найти очень трудно. Такие коллективы вынуждены начинать с чисто коммерческой постановки. Они ставят легкий развлекательный спектакль и начинают активно его прокатывать — по Ленинградской области, в ПТУ, школах, клубах... Таким образом они пытаются собрать деньги на следующую, уже серьезную работу. И с первых же шагов оказываются в безнравственной ситуации, где цель якобы оправдывает средства. И, мечтая обновить драматическое искусство, поневоле увеличивают процент театральной халтуры.

ЖУРНАЛИСТ: — Давайте смотреть на вещи реально. На пятьдесят театров-студий денег — дотаций, средств спонсоров, меценатов и т. д. — все равно не хватит. Большинству придется зарабатывать себе на жизнь. Другое дело — уровень мастерства, с которым они начинают. Почему мы все время ругаемся словом «коммерческий»? Бывают и комерческие постановки, которые не роняют достоинства постановщиков. Мне, например, кажется, что десяткам студий важнее искать контакт со зрителем, чем гнаться за миражем обновления театрального искусства. Другое дело, повторяю, уровень мастерства. Вполне понятно, что на пятьдесят новых театров не хватит не только государственных средств, но и профессионалов высокого уровня. А только талантливые люди, владеющие профессией, как правило, могут создать театр. Да еще при наличии гражданского темперамента.

КРИТИК: — В принципе с этим выводом согласна. Мы посмотрели пять из пятидесяти достаточно несовершенных по нынешнему творческому состоянию коллективов. Ни один из спектаклей не вызвал у меня восторга, не показался художественным открытием. И все же порадовало, что даже эти несовершенные работы были разными. Это позволяет верить и надеяться, что в будущем мы перейдем к театральному разнообразию. Именно некий художественный плюрализм способен со временем обеспечить контакт с публикой. Ведь зритель разный, с разными потребностями. Каждый ищет в театре свое. Кому-то понравится острота, с которой пытается говорить о современных проблемах театр под руководством Л. Малеванной, поставивший пьесу молодого драматурга О. Ернева «Мы пришли». А кто-то заинтересуется поиском формы, которым полностью поглощена «неофольклорная» группа «Дерево» А. Адасинского.

ЖУРНАЛИСТ: — То есть вас попросту радуют эти несколько десятков новых коллективов, независимо от художественного результата?

КРИТИК: — Ну и вопрос!.. Я радуюсь появившейся возможности. А немедленно никакого высокого художественного результата быть не может.

ЖУРНАЛИСТ: — Я спросила вот почему. Уже несколько лет существует среди любительских коллективов Ленинградской области традиция раз в два года собираться на фестиваль «Театральная весна» то в Луге, то в Лодейном Поле, то в Кингисеппе. И уверяю вас, что на тех фестивалях бывало гораздо больше поводов для зрительской радости. У меня создалось впечатление, что новые профессиональные студии на данном этапе менее интересны, чем любительское театральное движение. Тот же клуб «Суббота» Ю. Смирнова-Несвицкого, например, или «Перекресток» В. Фильштинского, театр ЛГУ под руководством В. Голикова, или народные театры Луги, Гатчины...

КРИТИК: — Вы назвали давно сложившиеся и действительно зарекомендовавшие себя коллективы. Но ведь это пришло не сразу. Все новорожденные выглядят не красавцами. Чтобы они такими стали, нужны любовь и терпение.

ЖУРНАЛИСТ: — Вы имеет в виду комплиментарную критику? С ее помощью мы так любовно взращивали некоторые ленинградские театры.

КРИТИК: — Разумеется, нет. Ситуация щекотливая. С одной стороны, студиям необходимо знать правду о себе. Но, с другой, как критике и молодым театрам при этом сохранить общность интересов? Ведь и студия, и критик заинтересованы в одном — чтобы любой театр процветал всем на радость.

ЖУРНАЛИСТ: — Разумеется. Так давайте сразу скажем; изменяйте за прямоту. Но дальше будем говорить только то, что думаем. Несмотря на то, что все участники новых театральных коллективов нам глубоко симпатичны... Меня, например, очень огорчил спектакль «Мы пришли». Как говорится, бог с ним, с режиссерским профессионализмом. Ученики Л. Малеванной — способные ребята. И драматург О. Ернев — способный человек. И вот все вместе они предложили зрителям спектакль о том, как парни, вернувшиеся с афганской войны, приходят судить директора универмага, который жил... ну, скажем, не по законам совести. Они вынуждают его застреляться, действуют, как фашисты: громят, избивают, унижают, издеваются...

Нужно сказать, что происходящее на сцене держит в напряжении. Прежде всего потому, что когда с самого начала на глазах зрителей бесконечно бьют и унижают человека, нужно быть совсем уж бесчувственным, чтобы не реагировать.

КРИТИК: — А с другой стороны, чем больше ужасов нам показывали, чем больше выяснялось обстоятельств, свидетельствующих о безнравственности не только директора универмага Коптилова, но и его мучителей (помните, один из героев — и любовник жены Коптилова, и отец будущего ребенка дочери, и насильник малолетней девочки, которую он убил...), так вот, чем глубже погружали нас в грязь, тем веселее реагировала публика. То есть эффект был, вероятно, противоположен тому, на что рассчитывал театр. И можно объяснить, почему так произошло. Театр не нашел способ общения со зрителем. Не нашел условного хода, позволяющего людям, присутствующим в зале, наблюдать — ведь не на экране, а в жизни! — как на их глазах одно за другим происходят события бесчеловечные и безнравственные. Таким путем можно в душах зрителей воспитать только цинизм, а не благородные порывы, хотя намерения у театра были, разумеется, благие.

ЖУРНАЛИСТ: — Недавно по ТВ сходную ситуацию Ю. Щекочихин назвал «опасностью романтизации наших ошибок». Вот и в спектакле есть молодой герой, умирающий от последствий ранения в живот. Он вроде бы ничем в прошлом не скомпрометировал себя, а значит, в контексте спектакля может восприниматься молодыми зрителями как благородный мститель. И эта романтизация, по-моему, опаснее всего. Потому что даже намек на оправдание самосуда, террора — уже страшен. Тем более что тема суда, покаяния и возмездия как бы носится в воздухе. Любое обращение художника к этим темам требует осторожности... Разумеется, те, кто и до спектакля сознавал, что нетерпимость и насилие недопустимы, те и в спектакле найдут подтверждение этому. Ну, а если душа зрителя еще не сформирована, если добро и зло делятся для него по признаку возраста, или национальности, или социальной принадлежности, или просто наличия или отсутствия материального достатка? Что вынесет такой зритель?

КРИТИК: — Мы возвращаемся к проблеме, о которой уже говорили. Если этот коллектив имеет творческий потенциал, то он будет внимательно прислушиваться к реакции зрительного зала и поймет, что она не всегда созвучна их намерениям. Многое в спектакле нуждается в корректировке и поддается ей.

ЖУРНАЛИСТ: — Эту пьесу, вероятно, можно играть только в условной манере. Например, как страшный сон, как видение, посетившее директора универмага. Молодые люди при этом станут фантомами, порожденными воспаленной совестью... И декорация при этом, вероятно, была бы не бытовой, пытающейся воспроизвести фирменные вещи, а чисто условной... Что и дешевле, кстати.

КРИТИК: — Но главное, мы попали бы из реального пространства в пространство души, и тут можно вести разговор любой степени жесткости и даже жестокости. Кстати сказать, такое отсутствие общего стилевого решения мешало воспринимать и спектакль, сделанный на бесспорно интересном материале — произведениях Ахматовой, Шаламова, Мандельштама, Галича, Гинзбург, Бертольца, Пастернака и других. Я имею в виду спектакль «На изломе бытия», поставленный В. Малышицким в «Театре-студии-87».

ЖУРНАЛИСТ: — На мой взгляд, единственный из пяти спектаклей, из который можно смело рекомендовать зрителям пойти, это постановка К. Датешидзе пьесы Н. Эрдмана «Самоубийца». Стыдно за такую рекомендацию нам с вами не будет: вполне добротный спектакль.

КРИТИК: — Согласна. Хотя добротность — не самый большой комплимент театру.

ЖУРНАЛИСТ: — Это по нынешним временам?

КРИТИК: — Всероссийские театральные мастерские, в рамках которых живет студия К. Датешидзе, задуманы для реализации уникальных театральных начинаний. Я бы не удивилась, если бы «неофольклорная» группа «Дерево» Адасинского работала там или театр реального искусства Э. Горошевского. Потому что на нынешнем этапе они пытаются найти новую театральную эстетику. Это немаловажно, хотя, вероятно, не будет иметь успех у широкого зрителя.

ЖУРНАЛИСТ: — Только, пожалуйста, не создавайте вокруг них ореол непризнанной гениальности! Пока это, по-моему, просто довольно скучно, извините.

КРИТИК: — Я испытывала двойственное чувство, глядя эти спектакли. С профессиональной точки зрения, мне было интересно, как решались те или иные сцены, как работали актеры, с помощью каких средств выразительности строилось действие. Но с другой стороны, чисто по-зрительски, мне тоже было скучно. Потому что и в том, и в другом случае мне не предлагали цельного взгляда на жизнь.

ЖУРНАЛИСТ: — Всех пятидесяти мы с вами не видели. Интересно, предложил ли кто-нибудь из дебютантов своеобразный взгляд на мир?

КРИТИК: — Если бы предложили, уже было бы известно...

ЖУРНАЛИСТ: — Что-то мы с вами потеряли оптимизм, который был нам так присущ в борьбе за создание театров-студий. Это нехорошо.

КРИТИК: — Но мы же не потеряли терпение и надежду? Вселяет оптимизм сама возможность творить и пробовать. Хорошо уже то, что для фестиваля были предоставлены малые сцены АБДТ и Театра имени Ленсовета. То есть ведущие театральные силы города сегодня как-то поддерживают студийное движение, во всяком случае проявляют к нему интерес. Может быть, это начало нового этапа в театральной культуре города... Помните, Пастернак писал: «Не важно, есть ли у тебя исследователи, а важно, есть ли у тебя последователи». Исследователи у наших мастеров есть в достатке, теперь, может быть, появятся и последователи? Другие, непохожие, но все-таки продолжатели. Если такая заинтересованность станет для театров престижной, думаю, она пойдет на пользу ленинградской театральной культуре.

В роли Критика: Е. МАРКОВА, кандидат искусствоведения
В роли Журналиста: А. АНДРЕЕВА

«Режиссер Н. находит пьесу» («ЛР» от 13 февраля 1987 г.), «Двенадцать» и другие» (16 октября 1987 г.), «Встретимся ли на премьере?» (26 февраля 1988 г.) — в этих диалогах Журналиста и Критика мы рассказывали о трудном пути становления театров-студий. Сегодня — продолжение разговора.

НА МАЛОЙ СЦЕНЕ

«Спектакль после спектакля»

— так артисты и поклонники «Молодежного театра» назвали этот необычный клуб. Теперь на сцене в Измайловском саду после репертуарных спектаклей можно будет познакомиться с самостоятельными работами артистов театра. Первым заседанием клуба стала премьера моноспектакля «Кармен, которую вы знаете». Автором композиции, в которую вошли стихи М. Цветаевой и Гарсиа Лорки, а также ее исполнителем стала Н. Дмитриева. Режиссер и хореограф — И. Кузьмин, гитарист-импровизатор Р. Фанин.

П. МИХАЙЛОВ

● Сцена из спектакля.
Фото автора